

Занятость в «третьем возрасте» в Сибири: тенденции и сравнительный анализ

А.Н. Челомбитко

Кемеровский государственный университет, ул. Красная, 6, Кемерово, Россия
achelombitko@inbox.ru

Статья поступила 27.01.2021, принята 19.02.2021

Старение населения, наличие у поколения «третьего возраста» значительного человеческого капитала, повышение пенсионного возраста – все это ведет к расширению занятости пожилых людей. Занятость пожилых людей требует детального количественного анализа на глобальном, национальном и региональном уровнях. В настоящее время в недостаточной степени изучены особенности занятости пожилых людей в Сибири, крупном и стратегически значимом макрорегионе России. Цель исследования – выявление тенденций и особенностей занятости пожилых людей в регионах Сибири, в том числе в сравнении с общероссийскими данными. Используются стандартные методы анализа рядов динамики (расчет показателей абсолютного и относительного прироста, критерий Ирвина, оценка автокорреляции), коэффициенты уровня занятости пожилых людей, а также построены уравнения регрессии для краткосрочного прогноза. В результате установлено, что занятость пожилых людей в Сибири динамично растет, в 2013–2019 гг. средние темпы прироста составляли 5,4 %. Существует выраженная тенденция к дальнейшему росту численности работников «третьего возраста» на уровне около 20 тыс. чел. в год. Расширяется удельный вес пожилых работников в составе рабочей силы Сибири (до 6 %), растет общий уровень занятости (до 12,8 %). Общие пропорции занятости изменяются в пользу пожилых работников, что обусловлено как экономическими, так и демографическими факторами (изменение возрастной структуры). При проведении сравнительного анализа установлено, что сибирские тренды в целом следуют общероссийским, но динамика занятости пожилых людей в России более устойчива. Это объясняется погашением случайных региональных колебаний в национальной экономике. Общий уровень занятости и трудовая активность пожилых людей в Сибири, их вклад в рабочую силу несколько ниже из-за специфики структуры экономики большинства сибирских регионов. Тем не менее, занятость пожилых людей в Сибири активно развивается, что актуализирует проблему их достойного труда.

Ключевые слова: пожилые люди; занятость; Сибирь; рынок труда; «третий возраст».

Employment in the «third age» in Siberia: trends and comparative analysis

A.N. Chelombitko

Kemerovo State University; 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia
achelombitko@inbox.ru

Received 27.01.2021, accepted 19.02.2021

The aging of the population, the presence of significant human capital in the generation of the “third age,” the increase in the retirement age - all this leads to an increase in the employment of older people. The employment of elder people requires detailed quantitative analysis at global, national and regional levels. At present, the peculiarities of employment of elder people in Siberia, a large and strategically important macro-region of Russia, have been insufficiently studied. The purpose of the study is to identify trends and features of the employment of elder people in the regions of Siberia, including the comparison with all-Russian data. Standard methods for analyzing the series of dynamics (calculation of indicators of absolute and relative growth, Irwin's criterion, assessment of autocorrelation), coefficients of the employment rate of the elderly, and also constructed regression equations for a short-term forecast are used. As a result, it is established that the employment of elder people in Siberia is growing dynamically. In 2013–2019 the average growth rate was 5.4%. There is a pronounced trend towards further growth in the number of workers of the “third age” at the level of about 20 thousand people. in year. The proportion of elder workers in the labor force of Siberia is expanding (up to 6%), and the overall level of employment is growing (up to 12.8%). Due to both economic and demographic factors (change in the age structure), the overall proportions of employment change in favor of elder workers. When conducting a comparative analysis, it was found that Siberian trends generally follow the national trends, but the dynamics of the employment of elder people in Russia is more stable. This is due to the repayment of random regional fluctuations in the national economy. The general level of employment and labor activity of elder people in Siberia, their contribution to the labor force is somewhat lower due to the specifics of the structure of the economy of most Siberian regions. Nevertheless, the employment of elder people in Siberia is actively developing, which makes the problem of their decent work actual.

Keywords: elderly people; employment; Siberia; labor market; «third age».

Введение. Постановка задачи. Расширение занятости пожилых людей в «третьем возрасте» является глобальным трендом большинства национальных экономик, включая российскую [1; 2]. Старение рабочей силы, смещение демографических пропорций в сторону старших возрастов, а также повышение пенсионного возраста обуславливают выход на рынок труда все большего числа пожилых людей [3]. С другой стороны, уязвимость пожилых работников в конкуренции за рабочие места обуславливает прекаризацию занятости, ведет к вытеснению на худшие позиции. Рост безработицы и снижение заработных плат в 2020 г., вызванные действием ограничительных мер, связанных с предотвращением распространения новой коронавирусной инфекции, особенно негативно сказываются именно на пожилых людях [4; 5]. Таким образом, актуальность темы исследования объясняется противоречием между ростом значимости пожилых людей как части рабочей силы страны и прекаризацией их занятости, сложным положением данной категории экономически активного населения на рынке труда. Иными словами, общий дефицит достойного труда наиболее негативно сказывается на людях «третьего возраста».

Проблемы труда и занятости пожилых людей достаточно активно изучаются российскими и зарубежными экономистами. В настоящее время хорошо исследованы дискриминация пожилых людей на рынке труда и различные инструменты борьбы с этим явлением [6; 7]. В ряде исследований представлены глобальные тренды занятости пожилых работников, оцениваются макроэкономическое значение работы людей в «третьем возрасте» и их место на рынке труда [8; 9]. Большинство ученых делают вывод о количественном росте занятости пожилых людей в абсолютном и относительном выражении, отмечая ряд проблемных аспектов этого процесса — неполное использование трудового потенциала, вытеснение людей «третьего возраста» на худшие рабочие места, недостаточную гибкость политики занятости без должного учета особенностей данной возрастной категории.

Для современной России проблема эффективной занятости пожилых граждан обусловлена не только общим старением населения и снижением численности молодежи, впервые выходящей на рынок труда, но и повышением пенсионного возраста [10; 11]. От того, насколько эффективно удастся использовать человеческий капитал пожилых людей, будет зависеть результат их трудовой деятельности для общества, работодателя, самих работников. В частности, В.Г. Доброхлеб, оценивая тенденции занятости «третьего возраста» в России, отмечает устойчивую положительную динамику,

что определяет необходимость развития системы образования через всю жизнь, поскольку к труду пожилых людей нельзя относиться лишь с сугубо экономических позиций [12]. Аналогичной точки зрения придерживается К.Г. Кязимов [13].

В то же время, исследователи указывают на серьезные проблемы трудовой деятельности пожилых людей в России — дискриминация по возрасту, неэффективная несбалансированная занятость, очень высокий уровень расслоения пожилых работников по сфере деятельности и уровню доходов, превышающий средние показатели [11; 14]. В ситуации формально низкой (по мировым меркам) безработицы, при широком распространении прекаризованной занятости существенная часть пожилых работников вынуждена соглашаться практически на любой труд. Дополнительно усугубили эту ситуацию ограничительные меры, вводимые с целью сокращения распространения новой коронавирусной инфекции. Сложившаяся ситуация требует нетривиальных подходов к развитию эффективной занятости пожилых людей, основанных на детальном анализе.

Как показано Р.И. Капелюшниковым, макроэкономическое значение старения населения столь серьезно и многообразно, что требует от государства, общества, бизнеса серьезного изменения принципов своей деятельности взамен обсуждения узко прагматических проблем, таких как дефицит средств на пенсионное обеспечение и повышение пенсионного возраста [15]. Политика и система поддержки пожилых людей требует существенной перестройки в связи с изменением как численности данной категории граждан, так и их вклада в человеческий капитал.

Однако большинство отечественных исследований занятости пожилых людей сосредоточено на качественных ее аспектах, проблемах трудоустройства, либо разработке рекомендаций по государственной политике, тогда как количественному анализу тенденций и специфики трудовой деятельности в «третьем возрасте» уделяется меньше внимания. Недостаточно изучены такие аспекты проблемы, как тенденции динамики занятости, вклад пожилых людей в рабочую силу, характеристики эффективности занятости пожилых людей (заработная плата, распределение по видам экономической деятельности, длительность рабочего времени и др.). Одним из исключений является работа Е.В. Чистовой, где анализируются факторы, влияющие на динамику занятости пенсионеров. По мнению данного автора, ведущую роль здесь играет уровень пенсионного обеспечения, а труд пенсионеров во многом является вынужденным [16]. Однако сложно согласиться с авторской версией корреляции уровня пенсионного обеспечения и занятости пенсионеров, поскольку

оба процесса в 2000-е гг. имели положительную динамику и были мультиколлинеарны.

Необходимо также отметить, что в такой стране, как Россия, анализ важнейших социально-экономических явлений и процессов предполагает обязательный учет пространственных, региональных факторов. В то же время, ощущается дефицит исследований, где проблема занятости пожилых людей раскрывается с региональных позиций. Среди имеющихся работ можно отметить исследование И.А. Кульковой по Свердловской области [17], публикацию Е.В. Масловой по Воронежской области [18], статью С.Н. Гагариной, Н.Ю. Чаусова, Н.М. Горевой на материалах Калужской области [19]. Однако практически отсутствуют работы, раскрывающие проблематику труда и занятости пожилых людей в столь крупном и стратегически важном макрорегионе, как Сибирь. Поэтому *целью данной статьи* является выявление тенденций и особенностей занятости пожилых людей в регионах Сибири, в том числе в сравнении с общероссийскими данными. Такая цель предполагает ответ на два исследовательских вопроса:

1) Каковы тенденции и тренды развития занятости пожилых людей в Сибири?

2) В чем заключается специфика занятости в «третьем возрасте» для сибирских регионов по сравнению с общей ситуацией в России.

Материалы и методы. В исследовании используются стандартные статистические методы анализа временных рядов (расчет темпов роста, абсолютного и относительного среднего приростов), наличие аномальных значений в рядах динамики проверяется по критерию Ирвина, оценивается автокорреляция для выявления наличия тех или иных тенденций, строятся регрессионные уравнения. Наряду с этим использованы три коэффициента оценки занятости пожилых людей, разработанные ранее автором совместно с коллегами [20]:

1) коэффициент занятости пожилых людей — отношение работающих пожилых людей к их совокупной численности в стране (аналог общего уровня занятости применительно к пожилым людям);

2) коэффициент уровня занятости пожилых людей — отношение коэффициента занятости пожилых людей к общему по экономике уровню занятости (иллюстрирует, насколько реже пожилые люди ведут трудовую деятельность по сравнению со всем населением);

3) удельный вес пожилых людей среди всех занятых (отражает значимость работников «третьего возраста» в национальной или региональной экономике).

К пожилым, в соответствии с рекомендациями Всемирной организации здравоохранения, Управления верховного комиссара ООН по правам человека, отнесены люди в возрасте 60 лет и старше без гендерной дифференциации.

Полигон исследования охватывает 10 регионов Сибирского федерального округа РФ (Республика Алтай, Республика Тыва, Республика Хакасия, Алтайский край, Красноярский край, Иркутская область, Кемеровская область — Кузбасс, Новосибирская область, Омская область, Томская область), а также 2 региона, с 2018 г. вошедшие в состав Дальневосточного федерального округа (Республика Бурятия и Забайкальский край). Это мотивируется тем, что переход данных регионов в иной федеральный округ объяснялся необходимостью распространения механизмов поддержки, действующих в данном округе, и не мог изменить объективные социально-экономические границы Сибири как макрорегиона. Кроме того, такой полигон обеспечивает сопоставимость результатов исследований до и после 2018 г.

Хронологические рамки работы охватывают 2013–2019 гг. Исследование основано на статистических данных, официально публикуемых Федеральной службой государственной статистики РФ (Росстатом) в сборниках «Регионы России. Социально-экономические показатели», «Демографический ежегодник России», «Рабочая сила, занятость и безработица в России», а также в информационно-аналитическом материале «Итоги выборочного обследования рабочей силы».

Таблица 1. Показатели занятости пожилых людей в Сибири, 2013–2019 гг.

Показатель	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
Численность пожилых занятых, тыс. чел.	380,2	408,9	458,8	458,9	446,5	476,9	521,4
Коэффициент занятости пожилых людей, %	11,3	11,8	12,9	12,5	11,9	12,0	12,8
Коэффициент уровня занятости пожилых людей, %	18,1	18,8	20,5	19,9	20,7	20,8	22,3
Удельный вес пожилых людей среди всех занятых, %	4,2	4,5	5,1	5,1	5,0	5,3	5,9

Результаты исследования и их обсуждение. В табл. 1 представлены абсолютный уровень, а также коэффициенты занятости пожилых людей в Сибири в период 2013–2019 гг.

Данные табл. 1 показывают быстрый рост численности пожилых занятых в регионах Сибири, за 7 лет она возросла на 141,2 тыс. чел., или на 37,2%. При этом рост был практически монотонным, ис-

ключая 2017 г., когда численность работающих граждан «третьего возраста» незначительно сократилась. В среднем за период количество пожилых работников росло на 23,5 тыс. чел., или 5,4 % ежегодно, что является достаточно высоким темпом прироста. Расчет критерия Ирвина для оценки возможных аномальных значений и статистических артефактов динамического ряда показывает, что фактическое значение критерия составляет 0,97 при табличном для семи степеней свободы 1,5. Таким образом, аномальные значения отсутствуют, и временной ряд может рассматриваться как носитель устойчивой тенденции.

Для проверки данной гипотезы была проведена оценка автокорреляции ряда 1-го порядка, которая показала, что линейный коэффициент автокорреляции указывает на выраженную тенденцию (его значение составляет 0,774). Безусловно, семь периодов наблюдений ограничивают точность и надежность прогноза, но при построении линейного уравнения тренда коэффициент при аргументе времени составляет около 19,5, что говорит о потенциальном ежегодном приросте численности пожилых работников на 19–20 тыс. чел. (при этом ошибка данного уравнения аппроксимации составляет около 3 %, коэффициент детерминации и в целом уравнение тренда значимы по критериям Фишера и Стьюдента). Таким образом, люди «третьего возраста» становятся все более важными для рынка труда в Сибири. В перспективе численность пожилых сотрудников будет возрастать.

Положительную, хотя и менее устойчивую динамику имели также относительные показатели (коэффициенты) занятости пожилых людей. Растет их удельный вес в рабочей силе Сибири: в целом за анализируемый период доля пожилых работников возросла с 4,2 до 5,9 %, что достаточно много. Наиболее значительный прирост пришелся на 2015 и 2019 гг.

Поскольку аналогичного прироста численности пожилых людей, в том числе в наиболее трудоспособных возрастах 60–64 года, в соответствующие годы не наблюдалось, рост сегмента работников «третьего возраста» объясним экономическими причинами. В частности, в 2015 г. сократились ВВП и промышленное производство, что повлекло вынужденное повышение экономической активности пожилых людей. Этот момент не позволяет согласиться с цитируемым выше утверждением об определяющем влиянии на занятость пожилых людей уровня пенсионного обеспечения, так как сокращения пенсий в указанный период не происходило.

Динамика коэффициента занятости пожилых людей показывает, что уровень участия граждан «третьего возраста» в рабочей силе в целом возрос на 1,5 %, в 2019 г. работало около 12,8 % людей в

возрасте 60 лет и старше. Разумеется, эта величина выше в возрастах 60–64 и 65–72 лет. Наиболее существенный прирост уровня занятости пожилых людей пришелся на 2019 г. В значительной степени это вызвано изменением возрастных пропорций занятых вследствие общего сокращения численности населения трудоспособного возраста. Следует отметить, что размер начисленных пенсий в этом периоде в Сибирском федеральном округе возрос, причем в большей степени, чем в целом по России, но это не помешало экономической активизации пенсионеров.

Рост занятости пожилых людей, безусловно, сопровождался тем, что разрыв между уровнями занятости в целом по экономике и среди граждан данного возраста постепенно сокращался. В 2013 г. коэффициент уровня занятости пожилых людей в сибирских регионах находился на уровне 18,1 %, т. е. распространенность занятости в этой возрастной группе составляла около 18 % от средней по экономике. Уже в 2015 г. коэффициент уровня занятости пожилых людей превысил 20 %, а в 2019 г. достиг 22,3 %. Все это указывает на значительный рост экономической активности и занятости людей «третьего возраста» в регионах Сибири. Труд пожилых людей становится все более значимым для экономики Сибирского макрорегиона. Происходит не только абсолютный рост численности пожилых работников, но и изменение общих пропорций занятости в их пользу, что обусловлено как демографическими, так и экономическими факторами.

Рассмотрим, насколько тенденции труда и занятости в «третьем возрасте» в Сибири соответствуют общероссийским. Для этого проведем сравнительный анализ динамических рядов, а также сопоставим относительные показатели занятости страны в целом и сибирских регионов (см. табл. 2). Анализ динамического ряда, отражающий занятость пожилых людей в национальной экономике, показывает, что сибирские тренды принципиально сходны с общероссийскими. За 2013–2019 гг. абсолютная численность работников «третьего возраста» в России увеличилась на 1 228 тыс. чел., или на 36,6 %.

Следует отметить, что в регионах Сибири темп прироста был несколько выше (37,2 %). Среднегодовые темпы прироста численности пожилых работающих людей в России в целом составили 5,3 %, этот процесс шел несколько медленнее по сравнению с Сибирью в отдельности. Добавим также, что из среднего за год прироста пожилых работников на 204,7 тыс. чел. на Сибирь приходилось около 11,5 %. Следовательно, процесс расширения занятости пожилых людей в Сибири происходил несколько динамичнее, чем в целом по стране.

Таблица 2. Показатели занятости пожилых людей в России в сравнении с данными по регионам Сибири

Показатель	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
Численность пожилых занятых в России, тыс. чел.	3 351	3 458	3 710	3 822	4 028	4 324	4 579
Коэффициент занятости пожилых людей в России, %	12,2	12,2	12,6	12,7	13,1	13,7	14,1
Коэффициент уровня занятости пожилых людей в России, %	18,8	18,6	19,3	19,3	21,9	22,9	23,8
Удельный вес пожилых людей среди всех занятых в России, %	4,7	4,8	5,1	5,3	5,6	6,0	6,4
Отношение коэффициента занятости пожилых людей в Сибири к среднероссийскому	0,93	0,97	1,02	0,99	0,91	0,88	0,91
Отношение коэффициента уровня занятости пожилых людей в Сибири к среднероссийскому	0,97	1,01	1,06	1,03	0,94	0,91	0,94
Отношение удельного веса пожилых людей среди всех занятых в Сибири к среднероссийскому	0,89	0,92	0,99	0,97	0,90	0,89	0,92

Ряд динамики показателей занятости пожилых людей в России был проверен на наличие аномальных наблюдений по критерию Ирвина и на наличие автокорреляции. Фактическое значение критерия Ирвина составило 0,463 при табличном 1,5, следовательно, аномальные значения отсутствуют, процесс роста занятости пожилых людей на уровне национальной экономики так же, как и в Сибири, может отражать наличие определенной тенденции. В данной связи в исследовании был рассчитан линейный коэффициент автокорреляции, который составил 0,988. По критерию Стьюдента величина коэффициента статистически значима. Это указывает на более выраженную, четкую тенденцию роста занятости пожилых людей в национальной экономике по сравнению с ее отдельной составляющей – регионами Сибири. Такое различие вполне объяснимо, поскольку на уровне страны поглощаются и нивелируются многие случайные колебания, присущие отдельным регионам и макрорегионам.

Как и при анализе динамики занятости пожилых людей в Сибири, было построено линейное уравнение тренда, показывающее, что ежегодный прирост численности работников «третьего возраста» в стране в целом будет составлять около 205 тыс. чел. Ошибка аппроксимации данного уравнения составляет 1,3 %, коэффициент детерминации – 98,2 %, уравнение статистически значимо по критериям Фишера и Стьюдента. Таким образом, динамика занятости людей «третьего возраста» в регионах Сибири была несколько выше общероссийских показателей, но менее стабильной. Для Сибири характерны большие относительные величины случайных колебаний изучаемого показателя.

Несмотря на то, что занятость пожилых людей в Сибири росла быстрее, чем в стране в целом (хотя и менее устойчиво), роль соответствующей категории работников в составе рабочей силы оста-

ется несколько меньше. Как видно из данных табл. 2, удельный вес пожилых работников в регионах Сибири несколько ниже среднероссийского, причем если в 2015–2016 гг. эти показатели практически сравнивались друг с другом, то в 2017–2019 гг. их отношение стабилизировалось на отметке около 0,90.

Сложившаяся ситуация объясняется тем, что рост показателя «удельный вес пожилых людей среди всех занятых» в стране в целом резко ускорился в 2017–2019 гг. Такое расхождение обусловлено тем, что в Сибири занятость в промышленности выше, чем в России в целом, тогда как в тех видах экономической деятельности, которые являются ключевыми работодателями для пожилых людей (сельское хозяйство, образование и здравоохранение) – ниже. В ряде видов экономической деятельности, являющихся предметом специализации для регионов Сибири, труд пожилых работников по объективным причинам может использоваться в ограниченной степени.

Уровень занятости людей «третьего возраста» в Сибири также несколько ниже, чем в стране в целом. В 2014–2016 гг. активность пожилых работников находилась практически на среднероссийском уровне, но в 2017–2019 гг. отношение коэффициента занятости пожилых людей в Сибири к среднему по стране стабилизировалось на уровне 0,9 (хотя коэффициент занятости пожилых людей по регионам Сибири увеличивался). Сибиряки «третьего возраста» также увеличивают свою трудовую активность, чаще выходят на рынок труда, но найти им работу сложнее, чем в большинстве других регионов. Поэтому охват пожилых жителей Сибири занятостью несколько ниже общероссийских показателей.

Добавим также, что все три коэффициента занятости пожилых людей в национальной экономике России в 2013–2019 гг. росли практически

монотонно, тогда как в Сибири им были присущи колебания. Так в 2016–2017 гг. большинство показателей занятости по регионам Сибири были неустойчивы, тогда как в России в целом стабильно росли. Это еще раз подтверждает тезис, что на уровне макрорегиона колебания занятости пожилых людей объективно выше, чем по всей стране.

По соотношению коэффициентов уровней занятости Сибирь отстает от общероссийского уровня в наименьшей степени. Из данных табл. 2 видно, что в 2014–2016 гг. соотношение занятости пожилых людей с занятостью по всем возрастным группам свидетельствовало о том, что в Сибири «отставание» этой категории людей было меньше, чем в стране в целом. Однако в 2017–2019 гг. соотношение изменилось вследствие того, что относительные показатели занятости пожилых людей в Сибири росли несколько медленнее.

Заключение. Проведенное исследование показывает, что занятость пожилых людей играет все большую роль в социально-экономическом развитии Сибири, что обусловлено как демографическими, так и экономическими причинами. Если в 2013 г. работало около 380 тыс. пожилых сибиряков, то в 2019 г. уже более 520 тыс., ежегодно эта величина росла в среднем на 5,4 %. Пожилые люди занимают уже около 6 % в общей численности занятых. Устойчивые тенденции позволили получить прогноз, в соответствии с которым в ближайшей перспективе на рынок труда будет выхо-

дить около 19–20 тыс. чел. в «третьем возрасте», что потребует адекватных мер политики занятости. Во многом выход пожилых людей на рынок труда является вынужденным, и они там весьма уязвимы.

Динамика занятости пожилых людей в Сибири в целом совпадает с общероссийской. Среднегодовые темпы роста общей численности пожилых работников в Сибири немного выше, но устойчивость этого процесса существенно меньше (в части целого всегда сильнее, чем в целом, будут проявляться случайные колебания). Абсолютные и относительные показатели занятости пожилых людей в России росли практически монотонно, тогда как в Сибири наблюдались опереженные колебания. Относительный уровень занятости пожилых людей по отношению к среднероссийским показателям в Сибири несколько ниже (в 2019 г. отношения коэффициентов, отражающих уровни занятости в «третьем возрасте», составляли около 0,9).

Хотя в абсолютном выражении занятость пожилых людей в Сибири растет, в относительном выражении работники этого возраста имеют меньший удельный вес в общей структуре. Это обусловлено тем, что в экономике большинства регионов Сибири ниже удельный вес тех видов экономической деятельности, где труд пожилых людей используется чаще (сельское хозяйство, а также образование и здравоохранение).

Литература

- Riach P.A., Rich J. An experimental investigation of age discrimination in the English labor market // *Annals of Economics and Statistics*. 2010. № 99/100. P. 169–185.
- Steiner V. The labor market for older workers in Germany // *Journal for Labor Market Research*. 2017. V. 50. P. 1–14.
- Axelrad H., Malul M., Luski I. Unemployment among younger and older individuals: does conventional data about unemployment tell us the whole story? // *Journal for Labor Market Research*. 2018. V. 52. № 1. P. 1–12.
- Kooij D. The impact of the Covid-19 pandemic on older workers: the role of self-regulation and organizations // *Work, Aging and Retirement*. 2020. V. 6. № 4. P. 233–237.
- Halvorsen C., Yulikova O. Older workers in the time of COVID-19: the senior community service employment program and implications for social work // *Journal of Gerontological Social Work*. 2020. V. 63. № 6. P. 489–511.
- Aristizabal P., Nigenda G., Serván-Mori E. The precarization of the Mexican nursing labor market: a repeated cross-sectional analysis for the period 2005-2018 // *Human Resources for Health*. 2019. V. 17. Article number 87.
- Cox C. The sustainable development goals and aging: Implications for social work // *Journal of Human Rights and Social Work*. 2020. V. 5. № 1. P. 39–47.
- Taylor F. Working longer may be good public policy, but it is not necessarily good for older people // *Journal of Aging & Social Policy*. 2019. V. 31. № 2. P. 99–105.
- Shimoni S. «Third Age» under neoliberalism: From risky subjects to human capital // *Journal of Aging Studies*. 2018. V. 47. № 12. P. 39–48.
- Лукичев П.М. Занятость работников старших возрастов: ресурс или ноша? // *Вестн. Удмуртского ун-та. Сер. Экономика и право*. 2018. Т. 28. № 5. С. 641–646.
- Лукьянова А.Л., Капелюшников Р.И. Работники предпенсионного и пенсионного возраста на рос. рынке труда: тенденции в реаллокации занятости // *Вопросы экономики*. 2019. № 11. С. 5–34.
- Доброхлеб В.Г. Занятость пожилых людей в России: причины и последствия // *Миграция и социально-экономическое развитие*. 2017. Т. 2. № 2. С. 79–90.
- Кязимов К.Г. Проф. обучение и содействие занятости лиц пожилого возраста в условиях пенсионной реформы // *Проф. образование в современном мире*. 2018. Т. 8. № 4. С. 2246–2254.
- Кошарная Г.Б., Щанина Е.В. Факторы депривации пожилых людей в социально-трудовой сфере: региональный аспект // *Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Социология*. 2019. Т. 19. № 3. С. 481–493.
- Капелюшников Р.И. Феномен старения населения: экономические эффекты // *Экономическая политика*. 2019. Т. 14. № 2. С. 8–63.
- Чистова Е.В. Занятость лиц пенсионного возраста: спрос и предложение на рынке труда России // *Экономика и бизнес: теория и практика*. 2019. Т. 10.

№ 2. С. 155–162.

17. Кулькова И.А. Занятость и проблемы трудоустройства лиц старшего возраста // Human Progress. 2017. V. 3. № 1. P. 1–9.
18. Маслова Е.В. Занятость пожилых людей: минимизация угроз прекаризации // Социально-трудовые исследования. 2019. № 2. С. 29–39.
19. Гагарина С.Н., Чаусов Н.Ю., Гореева Н.М. Анализ рынка труда Калужской обл. в целях определения траекторий занятости пожилого населения // Региональная экономика и управление: электрон. науч. журнал. 2019. № 4. С. 17.
20. Морозова Е.А., Челомбитко А.Н. Метод, подходы к оценке занятости пожилых людей в регионах России // Сиб. финансовая школа. 2016. № 3. С. 34–39.